

Е. И. Иванов

Уральский государственный
юридический университет им. В. Ф. Яковлева
(Екатеринбург)

СИНГАПУРСКАЯ КОНВЕНЦИЯ О МЕДИАЦИИ: ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ

В статье юридико-догматически изучаются основные нормы Сингапурской конвенции о международных мировых соглашениях, достигнутых в результате медиации. Актуальность темы вызвана неясностью норм, которая может затруднять реализацию этого международного договора, препятствуя развитию медиации в трансграничных спорах.

Рассматриваются следующие аспекты Конвенции: предмет, субъектное, территориальное и временное действие, отношения с другими формами права, предпосылки экзекватуры, производство по выдаче экзекватуры, а также правовые свойства медиативного соглашения. Предпосылки экзекватуры делятся на позитивные (содержательные и формальные) и негативные (абсолютные и относительные). Производство по выдаче экзекватуры рассматривается в общем аспекте (состязательность и оперативность производства) и специальном (разрешение параллельных ходатайств и требований). Правовые свойства медиативного соглашения включают в себя устранение юрисдикционного производства по урегулированному в медиации правовому спору, а также возможность принудительного исполнения международного коммерческого медиативного соглашения.

Юридико-догматическое осмысление Сингапурской конвенции содействует упрощению реализации норм такого международного договора и развитию медиации.

Ключевые слова: медиация, медиативные соглашения, коммерческие отношения, признание и приведение в исполнение, экзекватура, Сингапурская конвенция

Для цитирования

Иванов Е. И. Сингапурская конвенция о медиации: основные положения // Российское право: образование, практика, наука. 2023. № 4. С. 27–34. DOI: 10.34076/2410_2709_2023_4_27.

УДК 341.9, 347.9

DOI: 10.34076/2410_2709_2023_4_27

Введение

Актуальность юридико-догматического изучения Сингапурской конвенции¹ обусловлена неясностью некоторых ее норм, касающихся юридического действия, предпосылок, правил производства и правовых свойств соглашений об урегулировании правовых споров. Следовательно, может затрудняться реализация положений Сингапурской конвенции, что препятствует трансграничному обороту

международных коммерческих медиативных соглашений и в итоге – развитию медиации путем широкой экзекватуры соглашений об урегулировании правовых споров. Неразрешение этого вопроса может устранять достоинства медиации, создавать угрозу возникновения правовой неопределенности², нарушения принципа равенства³, вынуждать стороны

¹ Конвенция ООН о международных медиативных соглашениях, достигнутых в результате медиации (Нью-Йорк, 2018 г.) (далее – Сингапурская конвенция, Сингапурская конвенция о медиации).

² Неясность норм права влечет угрозу разного применения юридических положений в одинаковых правовых ситуациях. Следовательно, может нарушаться правовая определенность.

³ Разное применение норм права в одинаковых правовых ситуациях нарушает принцип равенства ввиду наличия необоснованных (не предопределенных спе-

правовых споров обращаться к юрисдикционным формам преодоления правовых споров, отдавая момент окончательного отстаивания правового интереса.

При этом некоторые исследования Сингапурской конвенции являются неисчерпывающими и лишь поясняющими¹, не позволяя преодолеть все неясности международного договора.

Международный, унифицирующий характер Сингапурской конвенции предопределяет автономность ее осмысления: уяснение сути международного договора отвлечено от национальных юридических мыслительных схем. Следовательно, имеется возможность широкого использования юридико-догматических идей. Изучение Сингапурской конвенции может предусматривать организацию в мыслительную схему множества аспектов (правовая основа, предпосылки и производство по выдаче экзекватуры, а также придаваемые медиативному соглашению правовые свойства). Не исключаются иные подходы к осмыслению международного договора.

Сингапурская конвенция о медиации – универсальный открытый многосторонний письменный бессрочный международный договор по международному частному праву и медиации, составляющий правовую основу экзекватуры международных коммерческих медиативных соглашений и имеющий предмет, временное, субъектное и территориальное действие, а также характеризующийся отношением с другими формами права.

Предмет международного договора составляют общие вопросы² признания и приведения в исполнение международных коммерческих медиативных соглашений: предпосылки, основные правила производства, а также содержание и объем правовой помощи. Предусмотрены обязательные и факультативные изъятия из предмета Сингапурской конвенции.

цифкой правовой ситуации) формально-юридических различий.

¹ См., например, отчасти: [Засемкова 2019; Schnabel 2019].

² Отдельные аспекты признания и приведения в исполнение подлежат конкретизации в национальных правовых системах. Например, особенности производства по выдаче экзекватуры подлежат уточнению в национальном праве с соблюдением установленных международным договором положений [Silvestri 2019: 6–7].

Обязательные изъятия действуют постоянно, безусловно и включают некоммерческие медиативные соглашения и медиативные соглашения, встроенные в судебные акты и арбитражные решения или утвержденные такими актами и решениями (пп. 2, 3 ст. 1 Сингапурской конвенции). Причинами изъятия некоммерческих соглашений являются значительная связь упорядочивающего соответствующие отношения права с национальным публичным порядком, наличие немалого количества сверхимперативных норм, разнообразие некоммерческих отношений в разных национальных правовых системах, а также отнесение к сфере деятельности ЮНСИТРАЛ правовой гармонизации международных коммерческих отношений [Alexander, Chong 2018: 40; Banoo 2020: 11; Chong, Steffek 2019: 457]. Причиной изъятия из предмета Сингапурской конвенции медиативных соглашений, встроенных в судебные акты и арбитражные решения или утвержденных такими актами и решениями, является необходимость предотвратить пересечение с предметами международных договоров в сфере экзекватуры иностранных судебных и арбитражных решений.

Факультативные изъятия могут действовать только при оговорке государства и составляют заключенные государством (государственными учреждениями) медиативные соглашения, а также соглашения об урегулировании правового спора при наличии договоренности сторон об изъятии такого правового акта из предмета Сингапурской конвенции (п. 1 ст. 8).

Темпоральное действие международного договора является перспективным: экзекватуре подлежат медиативные соглашения, заключенные после вступления Сингапурской конвенции в юридическую силу (ст. 9).

Субъектное действие международного договора распространяется на государства и международные организации (ст. 12).

Территориальное действие Конвенции распространяется на государства с множеством правовых систем: по общему правилу – на всю территорию, по специальному правилу (заявлению) – на отдельные единицы государства (ст. 13).

Отношения с другими формами права выражаются в неисключительном действии

Сингапурской конвенции: стороны вправе наделить медиативное соглашение юридическим действием согласно иным формам права (ст. 7).

Предпосылки экзекватуры могут быть разделены на позитивные и негативные: соответственно влекущие допустимость или исключаящие признание юридически квалифицированных фактов и приведение медиативного соглашения в исполнение¹. Формально-логически позитивные предпосылки могут мыслиться как признаки понятия международного коммерческого медиативного соглашения. Позитивные предпосылки, думается, подлежат расширительному толкованию, а негативные предпосылки – ограничительному, ввиду принципа благоприятствования примирению (*favor conciliationis*)² и необходимости реализации назначения международного договора, которое состоит в том, чтобы способствовать широкому трансграничному действию медиативных соглашений.

Позитивные предпосылки могут включать: международный коммерческий характер заключенных в результате медиации соглашений (содержательные предпосылки), а также внешнее выражение медиативного соглашения, идентификацию обязательных субъектов медиации и подтверждение заключения соглашения в результате медиации (формальные предпосылки).

Международный характер медиации не предопределяет соответствующего характера медиативного соглашения³. Причиной может

¹ О делении предпосылок признания и приведения в исполнение иностранных судебных актов см.: [Зайцев 2005: 9; Конев 2008: 21]. Не исключается использование такого деления при осмыслении предпосылок экзекватуры международных коммерческих медиативных соглашений в настоящей работе.

² Допустимость и необходимость использования принципа благоприятствования примирению в отечественной юридической догматике связываются с опосредованным наделением юридическим действием медиативных соглашений с иностранным элементом [Давыденко 2021: 3–4]. Однако не исключается использование такого принципа в связи с непосредственным приданием правовых свойств соглашениям об урегулировании правовых споров ввиду абстрактности принципа наделения юридическим действием таких соглашений.

³ Отсутствие безусловной корреляции между международным характером медиации и трансграничностью медиативных соглашений устанавливается с учетом Типового закона ЮНСИТРАЛ о международной коммерческой медиации и международных миро-

быть возможность отпадения иностранного элемента при заключении соглашения об урегулировании правового спора. Иностраный элемент в медиативном соглашении может устанавливаться по коммерческому предприятию, постоянному местожительству стороны, месту исполнения обязанностей или наиболее тесной связи предмета заключаемого соглашения с государством (п. 1 ст. 1).

Коммерческий характер медиации предопределяет соответствующий характер медиативного соглашения (п. 1 ст. 1, п. 1 ст. 16 Типового закона ЮНСИТРАЛ о медиации). Причиной может являться использование характера спорного правоотношения как единого критерия того, что посредничество и со-

Позитивные предпосылки экзекватуры могут включать: международный коммерческий характер заключенных в результате медиации соглашений, а также внешнее выражение медиативного соглашения, идентификацию обязательных субъектов медиации и подтверждение заключения соглашения в результате медиации

глашение об урегулировании юридического спора носят коммерческий характер. Если неясно, какой характер – коммерческий или некоммерческий – носит медиативное соглашение, предпочтительной представляется правовая квалификация такого соглашения как коммерческого, ввиду того что перечень некоммерческих отношений является исчерпывающим, а перечень коммерческих – нет.

Заключение соглашения в результате медиации – достижение сторонами правового спора соглашения о мирном урегулировании такого спора в результате переговоров при содействии нейтрального посредника, не обладающего полномочиями предписывать сторонам разрешение спора (п. 3 ст. 2). Следовательно, международным договором допускаются содействие и советы медиатора.

вых соглашениях, достигнутых в результате медиации (2018 г.) (далее – Типовой закон ЮНСИТРАЛ о медиации) [Засемкова 2019: 65; Schnabel 2019: 16]; п. 2 ст. 3, п. 4 ст. 16 Типового закона ЮНСИТРАЛ о медиации.

Внешним выражением медиативного соглашения является надежно фиксирующая содержание такого правового акта форма (п. 1 ст. 1 Конвенции). Термин «в письменной форме» здесь обозначает не только предъявление текста в знаках языка, но и фиксацию устного изложения содержания соглашения. Значит, медиативное соглашение может быть эксплицировано письменно (на бумаге, электронно) и устно (электронно).

Идентификация сторон во многом необходима для установления факта соглашения, а идентификация посредника может требоваться для установления заключения соглашения об урегулировании спора в результате медиации. Множество способов идентификации обязательных субъектов медиации вряд ли исчерпывающе (п. 2 ст. 4 Конвенции). Способы идентификации сторон и медиатора могут коррелировать с формой медиативного соглашения: подпись – письменная (бумажная, электронная) форма, и голос – устная электронная форма соглашения, которая может быть предпочтительной при проверке предпосылок отказа в экзекутуре ввиду порока воли при заключении такого соглашения.

Заключение соглашения в результате медиации могут подтвердить основные и вспомогательные доказательства. Основные доказательства могут делиться на виды: во-первых, по форме (подтверждение на медиативном соглашении или отдельный документ), во-вторых, по источнику (медиативное учреждение или медиатор), в-третьих, по носителю (бумажные или электронные доказательства). Вспомогательными доказательствами являются любые сведения, способные подтверждать заключение соглашения об урегулировании спора в результате медиации (подп. б п. 1 ст. 4 Конвенции).

Негативные предпосылки экзекутуры могут включать в себя противоречие экзекутуры публичному порядку и немедиабельность урегулированного правового спора (абсолютные предпосылки), а также недееспособность стороны, существенное (серьезное) правонарушение медиатора, ничтожность, утрату силы, невозможность исполнения, исполнение, неясность медиативного соглашения, противоречие экзекутуры содержанию соглашения об урегулировании спора (относительные предпосылки)¹. Если абсолютные

¹ Отсутствие среди множества негативных предпосылок экзекутуры такого возможного основания, как

предпосылки проверяются по инициативе государства экзекутуры всегда, то относительные предпосылки проверяются только при возражении стороны (п. 2 ст. 5 Конвенции). Рассмотрим их подробнее.

Нарушение публичного порядка в целом может мыслиться как действительное противоречие основам правовой системы, которое приводит к разрушению права. Употребление одного термина «публичный порядок» в разных международных договорах² позволяет использовать знания о публичном порядке в связи с экзекутурой судебных и арбитражных решений при изучении признания и приведения в исполнение медиативных соглашений по Сингапурской конвенции.

Немедиабельность урегулированного в медиации правового спора определяется по праву государства места экзекутуры.

Недееспособность стороны – нечасто применяемое основание отказа в экзекутуре ввиду преимущественного участия в трансграничных экономических отношениях профессиональных представителей, способных восполнить порок дееспособности представляемого.

Существенное (серьезное) правонарушение медиатора предусматривает причинно-следственную связь: нарушение посредником правил (причина), повлекшее заключение медиативного соглашения на неприемлемых условиях (следствие) не осведомленной о правонарушении стороной. Критерий существенности (серьезности) – заключение соглашения об урегулировании правового спора на неприемлемых условиях. Существенные (серьезные) правонарушения медиатора могут делиться на общие и специальные. Общим нарушением является несоблюдение применимых к посреднику или медиации стандар-

отмена, недействительность медиативного соглашения в государстве заключения, позволяет считать международную коммерческую медиацию делокализованной формой преодоления правовых споров, а также создает угрозу *forum shopping*. См. подробнее: [Stute, Wansac 2021: 45–47].

² См., например: подп. б п. 2 ст. V Конвенции ООН о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений (Нью-Йорк, 1958 г.), ст. 9(е) Гагской конвенции о соглашениях о выборе суда (*Convention on Choice of Court Agreements*) 2005 г., ст. 7(с) Конвенции о признании и приведении в исполнение иностранных судебных решений по гражданским и торговым делам (*Convention on Recognition and Enforcement of Foreign Judgments in Civil and Commercial Matters*) (Гаага, 2019 г.).

тов. Специальное нарушение – частный случай нарушения применимых к посреднику стандартов, выражающийся в несоблюдении принципа независимости и беспристрастности медиатора. Установление нормы о специальном нарушении позволяет заключить, что нейтральность посредника имеет конститутивное значение для медиации. Критерий неприемлемости условий медиативного соглашения состоит в том, что если бы сторона была осведомлена о правонарушении, то такое соглашение не было бы заключено. Неосведомленность потерпевшей стороны – субъекта возражения против экзекутуры, обязательна для отказа в признании и приведении в исполнение медиативного соглашения по основанию существенного правонарушения медиатора [Schnabel 2019: 53]. Иначе не исключается рассмотрение вопроса об отказе в принятии возражения ввиду отсутствия порока воли при заключении медиативного соглашения.

Ничтожность, утрата силы, невозможность исполнения и исполнение медиативного соглашения юридически квалифицируются согласно применимому праву, которое может привести в осмысление таких явлений национально-правовой догматический контекст.

Неясность, непонятность медиативного соглашения противопоставляются ясности и понятности. Возможный критерий неясности – исчерпание способов толкования и невозможность уяснить смысл медиативного соглашения, препятствующие адекватному юридическому действию соглашения при наделении его правовыми свойствами, на которое можно было бы рассчитывать в момент заключения. Возможность уяснения сути соглашения об урегулировании правового спора может зависеть от субъекта толкования ввиду того, что сомнительно существование однозначного объективного критерия ясности, понятности¹.

Противоречие экзекутуры медиативному соглашению может означать явную несовместимость признания и приведения в исполнение с самим соглашением об урегулировании правового спора и может включать: собственно противоречие экзекутуры такому соглашению, необязательность, не-

окончателность и последующее изменение медиативного соглашения.

Производство по выдаче экзекутуры международных коммерческих медиативных соглашений может осмысляться в общем и специальном аспектах.

Общие аспекты применимы для каждой ситуации признания и приведения в исполнение медиативного соглашения и включают состязательность и оперативность производства. Состязательность может выражаться в наличии относительных предпосылок экзекутуры и возложении бремени доказывания наличия абсолютных и относительных предпосылок на сторону. Производство должно быть оперативным (п. 5 ст. 4 Сингапурской конвенции), что может означать минимизацию времени, которое проходит между предъявлением заявления и его разрешением. Не исключается расширительное толкование оперативности не только как темпоральной характеристики, но и как организационной характеристики производства по выдаче экзекутуры (оптимизация правовых действий).

Специальный аспект касается отдельных случаев, когда подаются параллельные ходатайства и требования (ст. 6 Сингапурской конвенции), которые могут повлиять на разрешение вопроса об экзекутуре. В такой правовой ситуации признание и приведение в исполнение откладываются до разрешения ходатайства, требования, а на заинтересованного в такой остановке субъекта может быть возложена обязанность предоставить обеспечение возможных имущественных потерь. При этом «отложение производства» – родовое понятие, обозначающее остановку производства, конкретный вид такой остановки зависит от национальной правовой системы.

Правовые свойства медиативного соглашения, которые оно приобретает в результате экзекутуры, могут включать: устранение юрисдикционного производства по разрешенному в медиации правовому спору и возможность принудительного исполнения соглашения (юридическое действие, минимально необходимое для надежности соглашения об урегулировании правового спора) (ст. 3 Сингапурской конвенции). Однако не исключается придание медиативному соглашению иных правовых свойств согласно национальному праву. Изучение того, как государство наделяет юридическим действием правовой акт

¹ На субъективность «понятного» при уяснении правовых положений в ходе толкования обращается внимание в отечественной общей теории права [Черданцев 2003: 50].

о преодолении юридического спора, предусматривает и изучение вопроса о том, допустимо ли и необходимо ли признавать такой правовой акт и приводить его в исполнение.

Во-первых, термин «признание медиативных соглашений» в Сингапурской конвенции не употребляется. Однако если считать, что «признание» – это выражение государством отношения к правовому акту как влекущему окончательные юридические последствия¹, можно заключить, что указанное выше понятие в Конвенции есть. Особенности «признания» в разных национальных правовых системах представляются побочными по отношению к основному правовому следствию в виде исключения юрисдикционного разрешения урегулированного правового спора.

Во-вторых, термин «приведение в исполнение» используется в Конвенции. При этом если «признание» потенциально осуществимо в любом случае, приведение медиатив-

¹ Такое восприятие «признания» возможно, если абстрагироваться от специфики судебных актов, взяв за основу понимание «признания иностранных судебных актов», предложенное Р. В. Зайцевым [Зайцев 2005: 8].

ного соглашения в исполнение» может быть допустимым не всегда и зависеть от содержания этого соглашения и особенностей национальных правовых систем.

Наделение юридическим действием соглашений об урегулировании правового спора позволяет с точки зрения юридической надежности результата преодоления такого конфликта оценивать медиацию как форму устранения правовых споров, равную юрисдикционным формам.

Настоящее юридико-догматическое изучение основных положений Сингапурской конвенции не исчерпывающе и открыто для уточнения. Дальнейшее изучение норм международного договора может осуществляться, в частности, с точки зрения национальной юридической догматики. При этом предложенная мыслительная схема, думается, может быть основой дальнейшего изучения, во-первых, положений данного международного договора и, во-вторых, иных форм права, предусматривающих наделение юридическим действием медиативных соглашений с иностранным элементом.

Список литературы

Alexander N., Chong S. An Introduction to the Singapore Convention on Mediation – Perspectives from Singapore // *Nederlands-Vlaams tijdschrift voor mediation en conflictmanagement*. 2018. Vol. 22. № 4. P. 37–56.

Banoo S. Scope of Singapore Convention on Mediation Annotated. 2020 // URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3706847 (дата обращения: 24.08.2023).

Chong S., Steffek F. Enforcement of International Settlement Agreements Resulting from Mediation under the Singapore Convention // *Singapore Academy of Law Journal*. 2019. Vol. 31. Special Issue. P. 448–486.

Schnabel T. The Singapore Convention on Mediation: A Framework for the Cross-Border Recognition and Enforcement of Mediated Settlements // *Pepperdine Dispute Resolution Law Journal*. 2019. Vol. 19. № 1. P. 1–60.

Silvestri E. The Singapore Convention on Mediated Settlement Agreements: a New String to the Bow of International Mediation // *Access to Justice in Eastern Europe*. 2019. № 3. P. 5–11.

Stute D. J., Wansac A. N. The Singapore Convention: Not Much There, There // *ITA in Review*. 2021. Vol. 3. № 1. P. 32–57.

Давыденко Д. Л. Признание и приведение в исполнение за границей медиативных соглашений с иностранным элементом: текущий статус и предложения на перспективу. 2021 // URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3944561 (дата обращения: 24.08.2023).

Зайцев Р. В. Признание и приведение в исполнение в России иностранных судебных актов: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2005. 28 с.

Засемкова О. Ф. Сингапурская конвенция о приведении в исполнение мировых соглашений, достигнутых в результате посредничества (медиации): от мечты к реальности? // *Lex Russica*. 2019. № 3. С. 60–72. DOI: 10.17803/1729-5920.2019.148.3.060-072.

Конев Д. В. Признание и приведение в исполнение иностранных судебных актов по гражданским и торговым делам в Федеративной Республике Германия: сравнительно-правовой анализ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2008. 28 с.

Черданцев А. Ф. Толкование права и договора. М.: Юнити-Дана, 2003. 381 с.

Евгений Игоревич Иванов – аспирант, ассистент кафедры гражданского процесса Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева. 620137, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21. E-mail: ivevgig@gmail.com.

ORCID: 0009-0002-6007-7504

Singapore Convention on Mediation: The Main Provisions

The article dogmatically examines the main rules of law of the Singapore Convention on International Settlement Agreements Resulting from Mediation. The necessity for such research is determined by the unclear character of certain rules of law, which can complicate this international treaty realization, impeding the usage of mediation in resolving cross-border disputes.

The following aspects of the Convention are considered: object, subject, territorial and temporary effect of the treaty, relations of this instrument with other sources of law, prerequisites and proceedings for exequatur, as well as the legal effects of a mediation agreement. The prerequisites for exequatur are divided into positive ones (substantive and formal) and negative ones (absolute and relative). Proceedings for exequatur are considered from a general aspect (adversarial nature and speed of proceedings) and a special aspect (the issue of parallel applications or claims resolution). The legal effects of a mediation agreement include the preclusion of jurisdictional procedure on a dispute, as well as the possibility of enforcement of an international commercial mediation agreement.

The author believes that a dogmatic examination of the Singapore Convention on Mediation facilitates the international treaty provisions realization and, hence, promotes the mediation usage in the transnational disputes resolution.

Keywords: mediation, mediated settlement agreements, commercial relations, recognition and enforcement, exequatur, Singapore Convention

Recommended citation

Ivanov E. I. Singapurskaya konvencsiya o mediatsii: osnovnye polozheniya [Singapore Convention on Mediation: The Main Provisions], *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2023, no. 4, pp. 27–34, DOI: 10.34076/2410_2709_2023_4_27.

References

Alexander N., Chong S. An Introduction to the Singapore Convention on Mediation – Perspectives from Singapore, *Nederlands-Vlaams tijdschrift voor mediation en conflictmanagement*, 2018, vol. 22, no. 4, pp. 37–56.

Banoo S. *Scope of Singapore Convention on Mediation Annotated*, 2020, available at: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3706847 (accessed: 24.08.2023).

Cherdantsev A. F. *Tolkovanie prava i dogovora* [The Interpretation of Law and Contract], Moscow, Unity-Dana, 2003, 381 p.

Chong S., Steffek F. Enforcement of International Settlement Agreements Resulting from Mediation under the Singapore Convention, *Singapore Academy of Law Journal*, 2019, vol. 31, special iss., pp. 448–486.

Davydenko D. L. *Priznanie i privedenie v ispolnenie za granitsei mediativnykh soglashenii s inostrannym elementom: tekushchii status i predlozheniya na perspektivu* [Recognition and Enforcement abroad of Mediation Agreements with a Foreign Element: Current Status and

Proposals for the Future], 2021, available at: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3944561 (accessed: 24.08.2023).

Konev D. V. *Priznanie i privedenie v ispolnenie inostrannykh sudebnykh aktov po grazhdanskim i togovym delam v Federativnoi Respublike Germaniya: sravnitel'no-pravovoi analiz* [Recognition and Enforcement of Foreign Judgments in Civil and Commercial Matters in the Federal Republic of Germany: Legal Comparative Analysis]: autoabstr. of cand. jur. sc. thesis, Ekaterinburg, 2008, 28 p.

Schnabel T. The Singapore Convention on Mediation: A Framework for the Cross-Border Recognition and Enforcement of Mediated Settlements, *Pepperdine Dispute Resolution Law Journal*, 2019, vol. 19, no. 1, pp. 1–60.

Silvestri E. The Singapore Convention on Mediated Settlement Agreements: a New String to the Bow of International Mediation, *Access to Justice in Eastern Europe*, 2019, no. 3, pp. 5–11.

Stute D. J., Wansac A. N. The Singapore Convention: Not Much There, There, *ITA in Review*, 2021, vol. 3, no. 1, pp. 32–57.

Zaitsev R. V. *Priznanie i privedenie v ispolnenie v Rossii inostrannykh sudebnykh aktov* [Recognition and Enforcement Foreign Judgments in Russia]: autoabstr. of cand. jur. sc. thesis, Ekaterinburg, 2005, 28 p.

Zasemkova O. F. Singapurskaya konventsia o privedenii v ispolnenie mirovykh soglashenii, dostignutykh v rezul'tate posrednichestva (mediatsii): ot mechty k real'nosti? [The Singapore Convention on Enforcement of Mediated Settlement Agreements (Mediation): from Dream to Reality?], *Lex Russica*, 2019, no. 3, pp. 60–72, DOI: 10.17803/1729-5920.2019.148.3.060-072.

Evgenii Ivanov – postgraduate student, teaching assistant of Department of civil procedure, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev. 620137, Russian Federation, Ekaterinburg, Komsomol'skaya str., 21. E-mail: ivevgig@gmail.com.

ORCID: 0009-0002-6007-7504

Дата поступления в редакцию / Received: 30.07.2023

Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 05.09.2023